

МАТЕРИАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Каменный век европейских равнин:

*объекты из органических материалов и
структура поселений как отражение
человеческой культуры*

СЕРГИЕВ ПОСАД • 1-5 ИЮЛЯ 1997 г.

СЕРГИЕВ ПОСАД • 2001

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ
КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ:**

к.ф.н. *Бобков К. В.* (Сергиево-Посадский музей-заповедник),
Проф. *Массон В. М.* (Институт истории материальной культуры РАН),
Проф. *Коробкова Г. В.* (ИИМК РАН),
к.и.н. *Тимофеев В. И.* (ИИМК РАН),
Манушина Т. Н. (СПМЗ),
к.и.н. *Вишневский В. И.* (СПМЗ),
Лозовский В. М. (СПМЗ),
Гужаев С. В. (Комитет по культуре Московской обл.),
Игнатьева Н. П. (Комитет по культуре Московской обл.),
Новикова Л. Т. (Администрация Московской обл.),
Dr. *Paul Mellars* (University of Cambridge, Great Britain),
Dr. *David Lubell* (Alberta University, Canada),
Dr. *Denis Ramseyer* (The Archaeological Service of Friburg, Switzerland),
Dr. *Ole Grøn* (National Museum of Denmark),
Dr. *Zofia Sulgostowska* (Institute of Archaeology and Ethnology, Warsaw, Poland).

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Манушина Т. Н. (председатель),
Вишневский В. И.,
Лозовский В. М.,
Лозовская О. В.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ И МАКЕТ:

Д. М. Ершов

Рисунки и фотографии выполнены авторами.

ISBN 5-89517-097-3

© Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, 2001
© Издательский дом «Подкова», 2001

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Каменный век европейских равнин:

*объекты из органических материалов и структура
поселений как отражение человеческой культуры*

Редколлегия: Манушина Т. И. (председатель),
Вишневский В. И., Лозовский В. М., Лозовская О. В.

Перевод с английского: В. М. Лозовский (статьи О. Грина, Козловских, Сумостовска,
Велиндера, Ша, Дэвид и др.);

Перевод с французского: О. В. Лозовская (статьи Д. Рамсейера и К. Хейну);

Перевод с испанского: О. В. Лозовская (статья И. Клементе Конте)

Художественное оформление Д. Ершов

Корректор И. Суздалева

В издании принимали участие: А. Безуглый, О. Шаронина

Ответственный за выпуск: И. Смолин

Рекомендовано к печати научно-методическим советом
Сергиево-Посадского государственного
историко-художественного музея-заповедника

Л.Р. № 064584 от 14.05.1996 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 01.12.2001 г.

Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Баскервиль».

Печать офсетная. Печл. 5,5. Тираж 1 000 экз. Заказ №

Издательский Дом «Подкова»

121108, Москва, ул. Пивченкова, 3-1.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО
«Типография ИПО профсоюзов Профиздат»,
109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

*Проблема функциональных различий
мест обитания людей в среднем палеолите
на Русской равнине*

Проблема функциональных различий древнейших палеолитических стоянок давно привлекает внимание исследователей. Интерес к ней в настоящее время обусловлен двумя основными обстоятельствами. Важнейшим из них является стремление к комплексному подходу в объяснении особенностей морфологии и состава инвентаря конкретных стоянок в процессе их культурологических сопоставлений. В связи с этим некоторые из черт вещественных остатков стоянок трактуются как отражение именно различных моментов жизни и сезонной специфики хозяйственной деятельности одних и тех же человеческих коллективов. С другой стороны, установление назначения стоянок приобретает и как бы специальное значение, ибо служит основанием для изучения самой хозяйственно-производственной деятельности древнейших людей, её динамики, структуры и хозяйственных, равно как и культурных, взаимосвязей охотничьих общин в среднем и нижнем палеолите.

Между тем для определения назначения (*функциональных типов*) палеолитических стоянок пока не выработаны единые критерии. Так, Ф. Хоул и К. Фленнери, впервые поставившие в достаточно развернутом виде вопрос о хозяйственной типологии мест обитания палеолитических людей на материалах пещерного палеолита юго-западного Ирана, разделяют стоянки, основываясь на их общих археологических характеристиках (Hole and Flannery, 1967, p. 147–206). Они называют три типа стоянок: сезонные базовые лагеря (*seasonal base camps*), в которых жила одна или две семьи в течение всего года или сезонно; стоянки на местах забоя зверей (*butchering stations*), занимаемые периодически небольшой охотничьей группой один или два дня, и временные стоянки (*transitory stations*), на которых охотники устраивали кратковременные остановки (осмотреться, подновить оружие) и больше на них не возвращались (*ibid.*, p. 162). Обращает на себя внимание методика интерпретации археологических объектов. Она опирается преимуще-

ственно на этнографические сведения, касающиеся образа жизни и структуры хозяйства современных охотников и собирателей, находящихся на первобытном уровне своего общественного развития. Эта методика во многом была дополнена Л. и С. Бинфордами, попытавшимися исследовать разнокультурные комплексы ряда мустьерских стоянок Ближнего Востока и Франции под углом зрения хозяйственно-производственной деятельности древних людей (Binford, Binford, 1966, p. 238–295; 1969, p. 70–84). Построения Бинфордов целиком базируются на *функциональных* оценках орудий, что, казалось бы, должно дать новую информацию для объяснения природы анализируемых ими мустьерских стоянок. Однако на самом деле они не провели соответствующего исследования орудий, а лишь приписали им без каких-либо доказательств те или иные производственные *функции*. Основной вывод исследователей заключается в том, что варибельность мустьерских комплексов следует объяснять *функциональными* различиями стоянок: базовые лагеря (*base-camps*), рабочие лагеря (*work camps*) и временные лагеря (*transient camps*) (Binford, Binford, 1966, p. 266–293).

Работы Бинфордов вызвали справедливую критику со стороны археологов. Главное возражение было то, что при объяснении технико-типологических различий и акценте на хозяйственную специфику мустьерских комплексов эти исследователи явно обопли вниманием другие движущие силы, безусловно, также влиявшие в древности на формообразование орудий, в частности, традиции (Bordes et Sonneville-Bordes, 1970, p. 73; Григорьев, 1972, с. 15; Любин, 1972, с. 21–22). Однако не менее серьезным недостатком исследований Бинфордов, на наш взгляд, является неоправданный прямой перенос этнографических моделей на археологический материал и отсутствие в их разработках сколько-нибудь уверенных определений *функций* орудий и соответствующих обоснованных доказательств наличия в археологических ком-

плексах постулируемых авторами *функционально связанных групп* орудий, отражающих различные виды деятельности людей. Тем самым интересный замысел изучить *функциональные типы* стоянок, хозяйственные различия и образ жизни мустьерских людей оказался должным образом нереализованным.

Большое значение в деле дифференциации археологических комплексов среднего палеолита имели работы Ф. Борда. Он основывался на самих археологических материалах, что позволило ему описать в них ряд устойчивых разновидностей культурного происхождения (Bordes, 1950, p. 19–34; 1953, p. 457–466; 1961; 1962–1963, s. 43–49; 1981, p. 77–87; Bordes et Bourgon, 1951, p. 1–29). Вместе с тем культурным вариантам археологических индустрий исследователь противопоставлял различия между стоянками другого порядка, связанные с преобладанием на них той или иной деятельности людей. Но поскольку действительные производственные *функции* орудий из инвентаря стоянок ему не были известны (Ф. Борд признавал необходимость специального их изучения), на деле все сводилось лишь к констатации различий в степени выраженности расщепления камня и изготовления каменных орудий на стоянках, *фиксируемых* в количественных соотношениях в их инвентаре разных категорий находок (Bordes, 1981, p. 78, 87). Исходя из этого, стоянки распределялись исследователем на два типа: лагеря и мастерские (Bordes, 1950, p. 31). Особо выделялись стоянки типа охотничьих пунктов, располагавшихся высоко в горах и отличающихся обеднённой типологией каменных изделий (Bordes, 1981, p. 80). Более дробное деление стоянок среднего и нижнего палеолита можно видеть у В. П. Любина. Причем этот исследователь постоянно ссылается на функциональное назначение орудий из изучаемых им стоянок. Однако и здесь мы обнаруживаем опять же бездоказательные ссылки. Все по той же давней традиции, В. П. Любин специально не анализирует функции изделий из коллекций, а только *фиксирует* их морфологические различия, ошибочно полагая, что эти различия прямо отражают какое-то особое назначение орудий. В добавок ко всему, исследователь, в отличие, например, от Ф. Борда, весьма скептически настроен в отношении самой возможности установления реального назначения орудий, в том числе и с помощью *функционального метода* по следам сработанности (Любин, 1965, с. 9–10). И тем не менее, как видно из ряда работ В. П. Любина, все это совсем не мешает ему без каких-либо надежных доказательных аргументов достаточно свободно оперировать функциональными определениями орудий, будто бы функции орудий у него точно установленные и вполне реальные, а не являются сугубо предположительными, и допускать при этом наличие *функциональных различий* у сколько-нибудь своеобразных

по форме изделий (Любин, 1965, с. 60). Понятно, что исследователь стремится максимально полнее раскрыть экономическую и социальную сторону жизни древнейших людей. Однако и в этом случае едва ли оправдано недостающие факты подменять слишком вольными необоснованными предположениями. В связи с этим представляется несомненным и предлагаемое им подразделение стоянок по «социально-экономическому профилю», основывающееся исключительно на недоказанных функциональных определениях орудий. Более реалистичной выглядит группировка В. П. Любиным памятников по техническим показателям с учетом объема производившихся на них первичной обработки камня и изготовления орудий. Особенно детализированы исследователем «мастерские», хотя, надо сказать, что памятники с таким названием далеко не всегда являются именно мастерскими в буквальном смысле слова. Мы имеем в виду местонахождения с подъемным археологическим материалом на выходах каменного сырья для орудий. На таких местонахождениях нет смешанных археологических комплексов. На них не накапливался культурный слой, в котором мог бы отложиться гомогенный материал, связанный с обработкой камня. Все дело в том, что на одни и те же выходы каменного сырья приходили, надо думать, представители разных общин, в разное время и на короткий срок, чтобы только зашастись опробованным камнем, заготовками нуклеусов, сколами и другими необходимыми полуфабрикатами, уносимыми затем на поселения или на другие жилые или рабочие стоянки. Поэтому интерпретировать эти места пребывания людей, даже признавая их узко целевое назначение, как мастерские не совсем правильно и оправданно. Это сложные памятники. Думается, будет точнее называть такого рода местонахождения на выходах поделочного камня не мастерскими, а *местами добычи, заготовки и предварительной обработки камня для орудий*. Кроме того, к «мастерским» нередко ошибочно причисляют также памятники типа поселений на выходах сырья, которым было органически свойственно расточительное камнеобрабатывающее производство. Столь же часто можно встретить гибридные определения стоянок как-то: «стоянки-мастерские» или «мастерские-стоянки» — только потому, что на них люди и жили, и обрабатывали камень для изготовления орудий. Однако и эти определения едва ли можно признать удачными, так как сочетание выраженного камнеобрабатывающего производства и использования каменных орудий было характерно для любой стоянки (будь то поселение или лагерь), занимаемой людьми сколько-нибудь продолжительное время.

Не вызывает сомнений, что по-настоящему определить *функциональные типы* палеолитических стоянок и их хозяйственное назначение чаще всего не-

возможно по одним каким-либо показателям. Необходим комплексный подход, при котором принимается во внимание совокупность признаков, отражающих особенности как самих стоянок, так и представленных на них археологических материалов. Информативные возможности именно археологических материалов до сих пор используются не в полной мере. При этом особенно важны достоверные данные о видах деятельности обитавших на стоянках людей, воссоздаваемых на основе всестороннего изучения археологических остатков.

Признаки, указывающие на тот или иной функциональный тип стоянки, могут быть многообразными. Их можно объединить в три основных взаимосвязанных блока:

1. Общеархеологические сведения, касающиеся расположения, мощности, распространения, состава и структуры культурного слоя и вещественных остатков в нем, фаунистических материалов, палеогеографических условий стоянки и т. д.

2. Данные о структуре и особенностях камнеобрабатывающего производства (расщепление камня на заготовки и изготовление каменных орудий) и источниках исходного сырья для обработки на стоянке.

3. Развернутая качественная и количественная характеристика видов деятельности людей на стоянке, основывающаяся на выяснении действительных функций орудий труда из археологических комплексов.

Вполне понятно, что сейчас больше всего недостает достоверной информации, составляющей два последних блока, что связано, как можно было видеть из приведенных выше примеров, со слабостью применявшейся методики её получения и недостаточным изучением вопросов общей реконструкции хозяйственно-производственной деятельности палеолитических людей. Однако положение постепенно начинает меняться. Мы лучше стали представлять себе технологию камнеобрабатывающего производства в палеолите (Щелинский, 1983). Появилась также возможность более уверенно устанавливать и функции палеолитических орудий труда. Этому помогают имеющаяся в настоящее время достаточно разработанная методика функционально-технологического анализа палеолитических орудий и накопленный обширный банк данных о следах сработанности на первобытных орудиях, однозначно указывающих на то или иное использование этих орудий в древности (Щелинский, 1977; 1992; Shchelinsky, 1994). Стало реальным вполне обоснованно анализировать виды деятельности, связанные прежде всего с освоением палеолитическими людьми, казалось бы, навсегда исчезнувших органических материалов: шкур, дерева и т. д. (Щелинский, 1994). Тем самым теперь можно значительно полнее воссоздать всю совокупность хозяйственно-производственной деятельности людей

на стоянках и с большей доказательностью говорить о функциональных различиях мест обитания человека в нижнем и среднем палеолите.

Показателем хозяйственно-производственной деятельности людей являются, конечно же, не загадочные «варианты фракционирования кремнёвого материала», которыми пользуется, например, Б. П. Любин (1984, с. 63), а реальные технологические и функциональные группы изделий и орудий, устанавливаемые специальными анализами в инвентаре стоянок. Технологические группы изделий представляют собой, в частности, орудия, оформленные оббивкой, ретушью и другими приемами вторичной обработки, сколы разных категорий, в том числе левалуазские, ординарные, первичные, ребёрчатые, изогнутые (сколы оббивки), мелкие отщепы и чешуйки, нуклеусы, заготовки нуклеусов, опробованные отделности и обломки исходного сырья, использованные гальки. Выявление и анализ этих групп инвентаря призваны дать представление прежде всего о камнеобрабатывающем производстве, ибо именно такие группы археологического материала, отражающие технологический процесс, самым непосредственным образом указывают, в каком объеме и как производились обработка камня и изготовление каменных орудий на стоянках. Петрографические показатели изделий в свою очередь позволяют проследить связи обитателей стоянок с источниками каменного сырья и полуфабрикатов для орудий.

Те или иные особенности камнеобрабатывающего производства, важным признаком которых является соотношение технологических групп изделий в инвентаре, служат одним из основных показателей типа стоянок. Однако надо иметь в виду, что характер камнеобрабатывающего производства зависел от разных причин, влиявших на масштаб и технологические рамки обработки камня. Главными, надо думать, были численность и длительность обитания работавшего на стоянке человеческого коллектива. Вместе с тем важную роль играли близость или дальность нахождения от стоянки подходящего для обработки каменного сырья для изготовления орудий. В этой связи необходимо различать *стоянки на выходах каменного сырья, стоянки поблизости от выходов сырья и стоянки, удаленные от сырьевых источников*. Характерным признаком, например, стоянок на выходах сырья является отмечавшееся неэкономное расходование сырьевых материалов (много отходов производства, сломанных, неудачных, незаконченных орудий), что порой приводит к неправильному определению этих стоянок как «мастерские».

Камнеобрабатывающее производство, изготовление каменных орудий труда и элементов вооружения создавали материальную основу для других видов производственной и бытовой деятельности людей на

стоянках. При этом, очевидно, что речь может идти о видах деятельности, сопряженных с использованием органических материалов, не сохраняющихся или сохраняющихся в весьма скудном составе на палеолитических стоянках. Констатировать наличие этих и других видов деятельности и реконструировать их, разумеется, в общем виде позволяет выявление среди инвентария палеолитических охотников на стоянках упоминавшихся выше *функциональных групп* орудий. Вполне понятно, что это достигается лишь путем специального изучения на орудиях следов их работанности от бывшего использования в работе. Выделение этих групп орудий является формой организации функциональной информации, полученной при целевых исследованиях археологических материалов стоянок. Под функциональной группой орудий подразумевается совокупность орудий, использовавшихся в древности в какой-либо одной функции (одна кинематика и работы по одному материалу или очень близким по свойствам материалам), но имеющих разные технико-типологические характеристики. В инвентаре стоянок среднего и нижнего палеолита сейчас можно распознать 15 таких групп орудий (мясные ножи, ножи для дерева /кости, рога/, скребки для шкур, скребки для дерева /кости, рога/, проколки, сверла, наконечники копий, отбойники, ретушеры и т. д.), реальность которых подтверждается наличием на орудиях соответствующих следов работанности. Орудия указанных функциональных групп можно встретить на любой стоянке. Однако в действительности они представлены на них неравномерно и в разных количественных соотношениях. Зафиксировав их, мы как раз и получаем сведения о тех видах деятельности, для обеспечения которых и предназначались каменные орудия (например, охотничья деятельность, разделка мяса, обработка дерева/ кости, рога /, обработка и шивание шкур животных и др.). При этом та или иная деятельность, в зависимости от сложности и разности ее у отдельно взятой группы палеолитических людей, может характеризоваться либо по одной, либо по нескольким связанным между собой *функциональным группам* орудий. Важен также качественный состав орудий в пределах функциональных групп, наличие или отсутствие среди них специализированных орудий для конкретных рабочих операций.

Все это дает возможность воссоздать на объективных основаниях целые хозяйственно-производственные комплексы стоянок, структура которых, наряду с общепалеолитической информацией о памятниках, достаточно ясно будет указывать на назначение и *функциональные типы* мест обитания палеолитических людей.

Для конкретизации предлагаемого подхода к функциональной интерпретации мест обитания палеолитических людей рассмотрим три среднепалео-

литических стоянки на Русской равнине: Кетросы, Сухая Мечётка (Сталинградская) и Носово 1.

Стоянка Кетросы (Среднее Приднестровье, Украина) находится в приустьевой части левого борта Киндянского Яра, выходящего к Днестру. Хорошо выраженный культурный слой на ней один, и он показывает, что стоянка располагалась низко, у самой воды, на древней незаливаемой пойме протекавшей рядом речки. Стоянка датируется переходной стадией, «существовавшей между амерсфортом и брёрупом» (Анисюткин, 1981, с. 7-14; Иванова и др., 1981, с. 152-161). В то время были условия перигляциальной лесостепи, климат был холоднее современного (Левковская, 1981, с. 132). Кости животных, найденные в культурном слое, принадлежат главным образом мамонтам ранней Формы, бизону и широкопалой лошади (Давид, 1981, с. 135-139).

Общая площадь раскопок стоянки, проведенных Н. К. Анисюткиным, составляет 225 кв. м. Толщина культурного слоя чаще всего не превышала 10-15 см. Именно поэтому удалось проследить его первоначальную структуру (Анисюткин, 1981, с. 15-21). Археологическая коллекция основного культурного слоя стоянки происходит главным образом из раскопа 1. Здесь обнаружено около 4400 каменных предметов, состав и соотношение которых выглядят следующим образом:

1. Остроконечник	1
2. Леваллуазские ретушированные остроконечники	3
3. Продольные двулезвийные скребла	2
4. Поперечные скребла	4
5. Скребла с угловыми обушком	2
6. Скребла с чередующейся, двусторонней и вентральной ретушью	5
7. Продольные однолезвийные скребла	36
8. Выемчатые орудия	22
9. Зубчатые орудия	22
10. Скребки	6
11. Орудия типа рабо	2
12. Орудия с резовым сколом	3
13. Проколки	6
14. Орудия с атипичной подтеской	2
15. Отщепы с усеченным концом	3
16. Неопределимые орудия	11
17. Отщепы и обломки кремня с ретушью	5
18. Раклет	1
19. Чоппер	1
20. Гальки со следами использования	51
21. Леваллуазские остроконечники	2
22. Леваллуазские отщепы и пластины	81
23. Сколы с естественным обушком	14
24. Различные другие сколы, чешуйки, обломки кремня	3993
25. Нуклеусы	89

Обращают на себя внимание особенности обработки камня на стоянке. Основная масса изделий на ней (85%) изготовлена из местного пластового, реже желвачного, черного и серого грубозернистого кремня. При этом кремень добывался из берегового склона прямо на стоянке. Меньшая часть изделий изготовлена из более качественного галечного кремня. Кремневые гальки происходят из галечников речки, на берегу которой располагалась стоянка (Анисюткин, 1981, с. 15–23; Иванова, 1981, с. 64). Судя по плану раскопок (Анисюткин, 1981, с. 16–17), расщепление нуклеусов производилось на всей площади стоянки, хотя местами наблюдается несколько повышенная концентрация продуктов и отходов обработки камня. Облик индустрии определяется неплохо выраженной леваллуазской техникой расщепления камня (Анисюткин, 1981, с. 24).

Что представляет собой хозяйственно-производственный комплекс стоянки? Прежде всего мы видим, что на стоянке отбиралось каменное сырье, подготавливались и расщеплялись нуклеусы и здесь же изготавливались орудия. Иначе говоря, на стоянке имело место камнеобрабатывающее производство полного цикла. На основе результатов функционально-трасологического анализа орудий можно составить представление и о других видах деятельности. В инвентаре стоянки выявлено 64 определенных орудия с отчетливыми следами сработанности. 39 из них оформлены вторичной обработкой, 25 – являются необработанными отщепами и пластинами. Наиболее представительную часть изношенных орудий со вторичной обработкой составляют скребла (18 экз.). И это понятно, так как именно скребла, в основном продольные однолезвийные, являются преобладающими нормами дополнительно обработанных орудий на стоянке. Среди изношенных орудий в виде сколов больше всего леваллуазских отщепов; за ними идут ординарные сколы, включая отщепы и пластины с естественным обушком (Рис. 1). Выделяются пять функциональных групп орудий:

Мясные ножи	43
Ножи для шкур	3
Проколки	7
Ножи для дерева /кости, рога/	1
Скребки для дерева /кости, рога/	10

Интересен технико-типологический состав этих групп.

Мясные ножи:

мустьерский остроконечник	1
леваллуазские ретушированные остроконечники	3
леваллуазские остроконечники	2
поперечное скребло	1
скребла с утонченным обушком	2

продольные однолезвийные скребла	9
выемчатые орудия	2
скребок	1
орудие с атипичной подтеской	1
отщеп с ретушью	1
леваллуазские отщепы	12
леваллуазская пластина	1
ординарные сколы	7

Ножи для шкур:

выемчатые орудия	3
------------------	---

Проколки:

зубчатое орудие	1
орудия с резцовым сколом	2
проколки	3
отщеп с ретушью	1

Пож для дерева /кости, рога/:

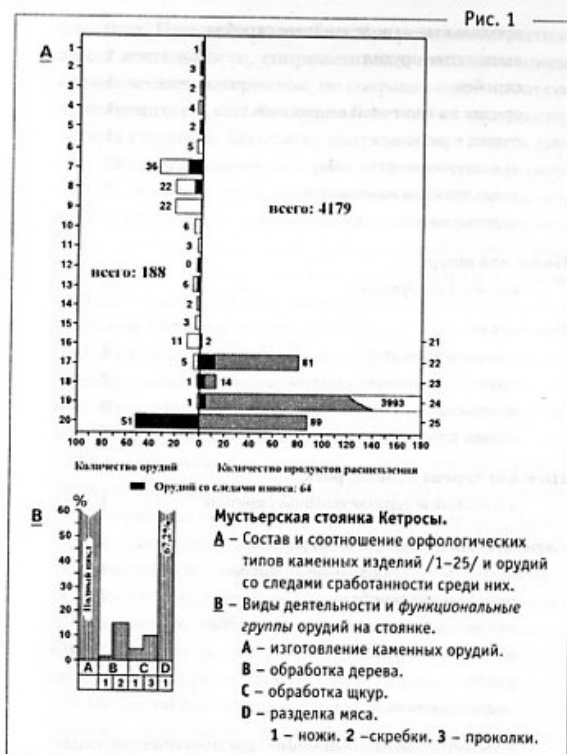
продольное однолезвийное скребло	1
----------------------------------	---

Скребки для дерева /кости, рога/:

продольное двулезвийное скребло	1
поперечное скребло	1
продольные однолезвийные скребла	3
выемчатые орудия	2
ракет	1
ординарные отщепы	2

Суммируя функционально-трасологические определения изношенных от работы орудий из инвентаря стоянки, можно констатировать, что эти орудия были исключительно монофункциональными, хотя имели разную степень производственной специализации. Отчетливое соответствие формы и функции обнаруживают прежде всего остроконечники. На стоянке они в основном в леваллуазском исполнении. Эти орудия изготавливались как мясные ножи, точнее, мясные разделочные ножи. Однако среди них нет наконечников копий. Хорошо выраженная ориентировка на использование в качестве мясных ножей характерна и для других леваллуазских сколов. Едва ли можно сомневаться в узкой специализации проколок. Несмотря на оформление разными приемами (ретушью и снятием «резцового» скола), функциональное назначение данных орудий было одно – прокалывание /провертывание/ отверстий в шкурах /коже/. Другие орудия на стоянке предназначались для разных целей. Таковыми были скребла. Правда, и они чаще всего использовались как мясные ножи. Но ими нередко обрабатывали и дерево прежде всего скоблением. Примечательно, что орудия с лезвием той или иной формы не всегда четко коррелируются с определенной операцией. Так, если выпуклолезвийные скребла служили для резания мяса, то прямолезвийные орудия применялись для работы и по мясу, и по дереву. Для разных рабочих операций изготавливались выемчатые орудия. Некоторые из них, конечно же, были скребками для дерева /кости, рога/.

Рис. 1

как это обычно и предполагается для такого рода орудий. Но другие, внешне сходные орудия представляли собой мясные ножи (выемка на орудиях в данном случае не использовалась; возможно, она была случайной) и специальные резчики для шкур /кожи/. Особенно важно отметить, что на стоянке не обнаружено комбинированных и переоформленных орудий. Во всяком случае, такие орудия не бросаются здесь в глаза, как, например, во многих среднепалеолитических комплексах Кавказа.

Первое место среди изношенных орудий в инвентаре стоянки занимают мясные ножи (43 орудия или 67,2% всех орудий со следами сработанности). Орудия эти, несомненно, были связаны с разделкой мяса, приготовлением и потреблением пищи, что, в общем-то, вполне характерно для мест обитания охотников. Прямых свидетельств охотничьего вооружения нет, хотя наличие остроконечников допускает вероятность применения такого рода изделий в качестве наконечников копий. О существовании копий не приходится сомневаться, так как в инвентаре стоянки неплохо представлены скребки (10 орудий) и один нож со следами изношенности от работы по дереву / кости, рогу /. Судя по всему, на стоянке до сих пор не найдена обработанная кость, поэтому правомерно полагать, что с помощью этих орудий изготавливали главным образом деревянные изделия. Надо сказать, что в количественном от-

ношении обработка дерева занимала довольно заметное место в производственной деятельности людей на стоянке. Орудия этого вида деятельности составляют 17,2% изношенных орудий. Правда, набор деревообрабатывающих инструментов очень беден.

Практиковались на стоянке и работы со шкурами животных. На это указывают проколки и ножи (15,6% всех изношенных орудий), использовавшиеся в этих работах. Вместе с тем обращает на себя внимание полное отсутствие скребков, с помощью которых осуществлялась хотя бы элементарная обработка шкур. Учитывая этот факт, можно предполагать, что на стоянке производился лишь ремонт кожаных изделий.

Полученная информация о функциях орудий и работах, выполнявшихся с помощью их, довольно полно раскрывает основные черты хозяйственно-производственной деятельности обитателей стоянки (рис. 1). Это была деятельность группы палеолитических охотников, занимавшихся промыслом крупных животных. Она включала в себя практически все самое основное, что необходимо было для существования людей. На стоянке производилась в полном объеме первичная и вторичная обработка камня, который всегда был под рукой, ибо добывался прямо на месте стоянки и в непосредственной близости от нее. Каменными орудиями, изготовлявшимися здесь же, разделялось мясо и приготавливалась пища. Эта работа, судя по всему, была одной из главных на стоянке. Довольно заметную роль играли работы по дереву и шкурам животных. Все это в целом характерно для палеолитических мест обитания – типа поселений. Тем не менее, при внимательном изучении материала, можно заметить, что отмеченные виды деятельности, за исключением, пожалуй, камнеобрабатывающего производства, имели все же весьма упрощенный характер, отразившийся в бедных наборах функциональных групп орудий. Это может свидетельствовать только об одном – об относительной непродолжительности функционирования поселения. Автором раскопок стоянки, принимающим во внимание небольшую мощность культурного слоя, планиграфию костных остатков и каменных изделий, технико-типологический состав последних и наличие остатков легкого жилища в виде «усложненного ветрового заслона с перекрытием», она рассматривается как сезонное поселение (Анисюткин, 1981, с. 20). Выявленная пами на основе функционально-трассологических исследований структура хозяйственно-производственного уклада обитателей стоянки в целом согласуется с этим предложенным ее определением, которое, на наш взгляд, достаточно полно отражает функциональное содержание данного памятника. Следует особо подчеркнуть, что это сезонное среднепалеолитическое поселение было довольно

небольшим и располагалось непосредственно у воды и на выходах кремниевого сырья для орудий.

Близкий, хотя и не тождественный, хозяйственно-производственный комплекс устанавливается на стоянке Сухая Мечётка.

Стоянка Сухая Мечётка является важнейшим памятником среднего палеолита на юго-востоке Русской равнины. Она находится в Нижнем Поволжье на склоне одноименной балки, прорезающей высокий правый берег р. Волги, на окраине города Волгоград.

По данным С. Н. Замятина, исследовавшего стоянку, площадь ее округленно оценивается в 1000–1200 кв. м. Раскопать удалось большую часть этой площади – 650 кв. м. Культурный слой залегает на глубине около 20 м от современной поверхности. Связан он с ископаемой почвой. Слой сохранился в неповрежденном состоянии. Палеозоологические материалы и пыльца растений, обнаруженные вместе с культурными остатками, указывают на засушливый и континентальный климат времени существования стоянки и свидетельствуют о преобладании в ее окрестностях ландшафтов со степной и полупустынной растительностью. Из культурного слоя стоянки происходят значительные *фаунистические* остатки и большая коллекция разнообразных каменных изделий. По мнению автора раскопок, стоянка имеет верхнемустьерский возраст (Замятин, 1961, с. 5–18).

Однако стоянку нельзя отнести к достаточно полно изученным памятникам. Было высказано, например, предположение, что на ней возможно выделение не одного, а двух разновременных горизонтов обитания среднепалеолитических людей. Культурные остатки одного из них залегают в нижней части ископаемой почвы, другого – связаны с верхом почвы и низом перекрывающего ее суглинка (Александрова, 1974, с. 157–158).

Однако это мнение, видимо, справедливо было оспорено, так как, похоже, удалось подтвердить, что стоянка эта однослойная (Кузнецова, 1985, с. 7). Как бы то ни было, существующая неоднозначность в определении стратиграфического положения культурного слоя в какой-то мере затрудняет установление геологического возраста стоянки, хотя, следует признать, что в настоящее время расхождения по этому вопросу у исследователей невелики. Стоянку можно датировать или в несколько расширенном хронологическом интервале, а именно – концом миклулинского (рисс-вюрмского) и началом валдайского (вюрмского) времени (Иванова, 1982, с. 392), или же миклулинским межледниковьем (Праслов, 1984, с. 107; Кузнецова, 1985, с. 7). Таким образом, мнение С. Н. Замятина о верхнемустьерском возрасте стоянки не подтверждается. Она, несомненно, является более древним среднепалеолитическим памятником.

Каменная индустрия Сухой Мечётки, по современным представлениям, может быть определена как мустье с нелеваллуазской техникой расщепления камня и со значительным количеством двустороннеобработанных орудий. В этом отношении они весьма сходна с рядом других среднепалеолитических индустрий с бифасами, открытыми на обширной территории к западу и юго-западу от Волги, прежде всего в северо-восточном Приазовье, в Крыму и на Северо-Западном Кавказе. Вместе с тем принадлежность стоянки к более узкой культурной общности пока не ясна.

Что можно сказать о функциональном типе Сухой Мечётки? В этой связи обратимся сначала к некоторым наблюдениям, сделанным С. Н. Замятым во время раскопок памятника. Как оказалось, стоянка занимала значительную площадь. Культурный слой ее протягивался вдоль берега балки полосой длиной около 70 м и шириной не меньше 20 м. Слой был сравнительно слабо насыщен культурными остатками и костями животных. Тем не менее, отчетливо прослеживалась неравномерность в распределении находок, показывающая неодинаковое использование человеком разных участков на площади стоянки. В частности, зафиксированы пять вытянутых в ряд крупных кострищ и довольно значительное количество (около 20) небольших, до 0,5 м) очажных пятен. Основная масса каменных изделий и обломков кости животных находилась именно у больших кострищ, хотя они были и на остальной жилой площади. При этом выявлены разные по составу сосредоточения каменных изделий. В одних случаях это были как орудия, так и отходы от их изготовления, в других – преимущественно законченные орудия. Интересны отдельные места, где происходило расщепление камня и изготовление каменных орудий, найденных здесь же среди отходов от обработки камня (Замятин, 1961 с. 8–35). Совершенно очевидно, что на стоянке обитала крупная группа охотников, но обитание это не было слишком продолжительным. Никаких следов, которые могли бы указывать на наличие жилищ, не обнаружено. По мнению С. Н. Замятина (1961, с. 35), люди «жили на берегу водного потока, на невысокой заболоченной террасе».

Важные сведения о деятельности обитателей стоянки доставляют фаунистические остатки. Костные остатки в культурном слое не очень многочисленные. Причем в большинстве своем они еще в древности были намеренно расколоты и состояли из мелких обломков. Определенные кости принадлежали бизонам, мамонтам, лошадям, сайгакам. Изредка попадались кости благородных оленей (Замятин, 1961 с. 14–15). Относительно небольшое количество костей в культурном слое можно объяснить тем, что на стоянку приносились не все части туш убитых животных.

Обработка камня и изготовление каменных орудий производились на стоянке. Об этом свидетельствует обширная археологическая коллекция каменных изделий, происходящих из культурного слоя. В составе ее свыше 300 орудий со вторичной обработкой, много сколов без дополнительной обработки, нуклеусов и просто осколков – отходов от обработки камня. Исходным сырьем служили разные породы камня: кремль, кварцит и песчаник, добываемые людьми в виде галек и валунов из ергенинских песков поблизости от места стоянки. Автором раскопок отмечены случаи находок отбракованных орудий, сломавшихся в процессе изготовления. Вместе с каменными орудиями обнаружены сработанные костяные ретушеры-отжимки (Замятин, 1961, с. 15–16, 19).

В связи с изучением хозяйственно-производственного комплекса Сухой Мечётки нельзя не сказать, что именно на этой стоянке в процессе ее раскопок впервые для материалов среднего палеолита были найдены каменные орудия с хорошо сохранившимися следами сработанности, которые затем специально исследовались С. А. Семеновым. И хотя количество изученных тогда орудий было совсем небольшим (8 экз.), среди них все же удалось распознать отбойники, ретушеры, проколки, строгальный нож и скобель для кож. Исследование это имело очень важное значение для общей оценки хозяйственной жизни среднепалеолитического человека (Семенов, 1957, с. 104, 107; 1961, с. 12–16). Кроме того, оно показало, что каменные орудия использовались на стоянке для разных производственных целей.

По уточненным данным, инвентарь стоянки Сухая Мечётка состоит из 3990 каменных предметов, среди которых 345 изделий (8,6%) отнесены к дополнительно оформленным орудиям разных технико-типологических категорий (Кузнецова, 1985, с. 7–8). Нами было изучено больше половины этих орудий (220 экз.) и выделены среди них экземпляры с хорошей сохранностью поверхности, пригодные для функционально-трасологического исследования. Таких орудий, к сожалению, оказалось сравнительно немного – 49 экз. Большинство же орудий имеет повреждения в виде глянца поверхности, препятствующего выявлению следов сработанности.

Орудия хорошей сохранности изготовлены в основном из качественного кремня (42 экз.), реже – из кварцита (7 экз.). Среди них:

Остроконечники	7
Угловатые скребла	12
Конвергентное скребло	1
Диагональные скребла	2
Поперечное скребло	1
Продольные скребла	24
Зубчатое орудие	1
Отщеп с ретушью	1

Отчетливые следы сработанности обнаружены на 42 орудиях (в их числе 4 орудия, исследованные С. А. Семеновым). В целом это неплохая выборка орудий, в которой представлены почти все (кроме двустороннеобработанных орудий) технико-типологические подразделения орудийного набора из инвентаря стоянки. Изучение их позволяет установить характер использования и функционального назначения орудий, а, следовательно, и основные виды деятельности людей на стоянке.

Изношенные от использования орудия составляют пять функциональных групп:

Мясные ножи	29
Скребки для шкур	3
Проколки	5
Скребки для дерева /кости, рога/	2
Комбинированные орудия – мясные ножи и скребки для шкур	3

Каждая из групп включает в себя следующие формы орудий:

Мясные ножи:	
остроконечники	4
угловатые скребла	7
конвергентное скребло	1
диагональное скребло	1
продольные скребла	14
зубчатое орудие	1
отщеп с ретушью	1

Скребки для шкур:	
поперечное скребло	1
продольные скребла	2

Проколки:	
остроконечники	3
угловатые скребла	2

Скребки для дерева /кости, рога/:	
продольные скребла	2

Комбинированные орудия – мясные ножи и скребки для шкур:	
угловатые скребла	2
продольное скребло	1

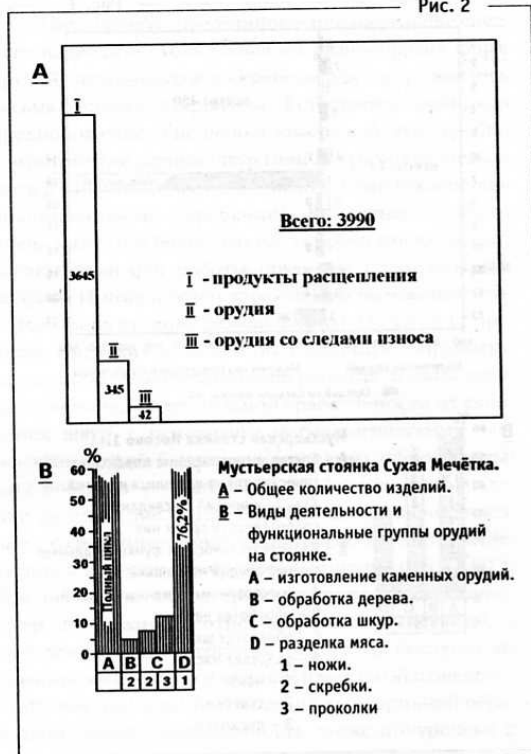
Таким образом, функционально-трасологический анализ отчетливо показал, какие именно работы выполнялись на стоянке с помощью каменных орудий. При этом можно думать, что выявленные функциональные группы этих орудий, их состав и соотношения в целом правильно отражают функциональную структуру инвентаря стоянки.

Основной функциональной группой инвентаря стоянки являются мясные ножи. Их 76,2% от всех орудий со следами сработанности (комбинированные орудия причислены к этим ножам). Они разной

формы. Примечательно, однако, что большая часть изношенных типичных остроконечников и угловатых скребел является именно мясными ножами. Вместе с тем многие ножи имели форму простых продольных скребел. Нет сомнений, что разделка мяса и приготовление пищи было обычным делом на стоянке. Гораздо беднее выражена в орудиях производственная деятельность обитателей стоянки. Фиксируются, в частности, работы со шкурами животных. Но они не имели массового характера. На эти работы указывают 8 монофункциональных и 3 комбинированных орудия. Представлены как скребки, так и проколки, примерно в одинаковых пропорциях. Износ на скребках позволяет уверенно заключить, что с помощью их обрабатывали непросушенные шкуры, с которых лишь счищалась мездра с прирезками мышечных волокон. Специальных скребков нет. В качестве скребков для шкур использовались скребла разных технико-типологических категорий. Проколки по форме также далеки от настоящих орудий такого рода. Ими служили остроконечники и угловатые скребла, не отличающиеся от таких же остроконечников и угловатых скребел, на которых хорошо развит износ мясных ножей. Можно говорить об обработке на стоянке и материалов группы дерево-кость, хотя эти работы играли на ней явно незначительную роль. Орудия с износом от названных материалов совершенно единичные. Это 2 скребка в виде продольных однолезвийных скребел, использовавшихся, скорее всего, для скобления дерева. Не исключено, что таких орудий в действительности было больше. В среднепалеолитических комплексах они бывают нередки, например, среди сколов без дополнительной обработки, которые на рассматриваемой стоянке не исследовались. Однако то, что их очень мало в составе ретушированных орудий, показательно и несомненно свидетельствует об отсутствии на стоянке сколько-нибудь значительного производства изделий из дерева (обработанная кость на стоянке также не найдена).

Итак, для хозяйственно-производственного уклада стоянки Сухая Мечётка характерно то, что она служила местом интенсивного камнеобрабатывающего производства. Непосредственно на ней осуществлялись и первичная, и вторичная обработка камня, изготавливались различные по форме каменные орудия труда, включая бифасы, из сырья, добываемого в ближайших окрестностях стоянки. При этом орудия использовались главным образом для разделки и потребления мяса, реже — с целью обработки шкур животных и изготовления кожаных изделий. Другие виды деятельности людей на стоянке были не столь заметны (рис. 2). В индустрии доминировали монофункциональные орудия; комбинированное использование и реутилизация их почти не наблюдается.

Рис. 2

Учитывая сказанное, равно как и отмеченные выше хорошо выраженные особенности фаунистических остатков, распространения и структуры культурного слоя, а также расположения стоянки, можно сделать только один вывод. Стоянка Сухая Мечётка была местом сравнительно длительного обитания крупной общины охотников (более крупной, чем в Кетросах), занимавшихся загонной охотой на бизонов, мамонтов и сайгаков. Это было довольно большое, но при этом сезонное поселение среднепалеолитических охотников, существовавшее в теплое время года.

Особый интерес в плане характеристики хозяйственно-производственной деятельности среднепалеолитических людей представляет стоянка Носово I в Приазовье. Она располагается на берегу Миусского лимана на левобережном мысу Носовской балки, впадающей в лиман, примерно в 400 м от ее устья. Культурный слой стоянки залегает на высоте около 6 м от днища балки в светло-буром суглинке и ориентировочно датируется ранним вюрмом (Праслов, 1984 а, с. 32). Сразу же отметим, что индустрия стоянки примечательна наличием двустороннеобработанных орудий, и, следовательно, в культурном отношении данная стоянка сопоставима не только с Сухой Мечёткой, но и с рядом других среднепалеолитических стоянок юга России и Крыма (так называемые

Рис. 3

стоянки восточноевропейского микока). Толщина культурного слоя стоянки около 10 см. На раскопанной площади в 48 кв. м найдено около 500 каменных предметов: 20 крупных аморфных обломков желваков кремня без признаков обработки, 6 крупных желваков с единичными сколами, 54 обработанных изделия (нуклеусы, орудия), 2 сланцевых гальки (ретушеры) и около 400 различных отщепов, осколков, чешуек. Изделия без патины. Никаких костей на стоянке не обнаружено, хотя сохранились скопления охры в россыпи и мельчайших кремневых чешуек, свидетельствующие о непопавшем в заделку культурных остатков (Праслов, 1972, с. 76–79).

На многих орудиях (более 20) Н. Д. Прасловым были замечены следы изнашивания в виде заполировки и затупленности краев. Некоторые из этих орудий изучил С. А. Семенов. В результате проведенного анализа было установлено, что орудия применялись для обработки шкур и дерева. Следы скобления этих материалов прослеживались на одних и тех же орудиях. Рабочий край у отдельных из них использовался и для скобления, и для резания кож (Праслов, Семенов, 1969, с. 21).

Как тип памятника стоянка первоначально была названа поселением. Однако не совсем ясно, на каком основании сделано это заключение. В качестве аргумента отмечается, что на ней много орудий со следа-

ми изношенности (Праслов, 1968, с. 123). Нет сомнения, что этот признак очень важен при выяснении функционального типа стоянки. Но одного его для решения данного вопроса совершенно недостаточно. Мало установить на стоянке, интерпретируя ее социально-производственное содержание, и отсутствие на ней характерных технико-типологических особенностей «мастерских» по обработке камня (этот аргумент тоже приводится), так как сходные черты камнеобрабатывающего производства нередко были свойственны разнотипным среднепалеолитическим стоянкам. Представляется, что для отнесения стоянки к тому или иному функциональному типу необходимы дополнительные данные. И в этом отношении особенно ценны сведения о хозяйственно-производственной деятельности обитавших на ней людей.

Возьмем прежде всего камнеобрабатывающее производство. Анализ показывает, что весь процесс изготовления каменных орудий осуществлялся непосредственно на стоянке. Об этом свидетельствует наличие в инвентаре, наряду с орудиями, разнообразных отходов от обработки камня. Однако стоянка не была прямо связана с выходами кремневого сырья для орудий. Последнее доставлялось на стоянку, скорее всего, с берега лимана или реки, протекавшей на месте нынешнего лимана. Общий состав каменных изделий, найденных на стоянке, следующий:

1. Мустьерские остроконечники	2
2. Угловатые скребла	7
3. Конвергентное скребло	1
4. Диагональные скребла	5
5. Поперечное скребло	1
6. Продольные однолезвийные скребла	7
7. Угловой резчик	1
8. Ножи с обушком	5
9. Выемчатое орудие	1
10. Комбинированное орудие	1
11. Ординарные отщепы, пластины и их обломки с ретушью	6
12. Двустороннеобработанные орудия	5
13. Гальки со следами использования	2
14. Леваллуазский отщеп	1
15. Прочие сколы, включая чешуйки и обломки кремня	больше 400
16. Нуклеусы	3
17. Заготовки нуклеусов	2
18. Пробные куски кремня	3
19. Конкреции кремня	3
20. Сравнительно крупные (7,5–12,5 см) обломки кремня	6
21. Более мелкие обломки конкреций кремня	20

С целью установления функций орудий нами были исследованы с помощью микроскопов все изделия стоянки. Всего обнаружено 34 орудия с определенными

ми следами сработанности, которые составляют больше чем две трети орудий и более или менее крупных отщепов коллекции. Изношенными от использования оказались самые разные по форме изделия. При этом в качестве орудий труда применялись и совершенно не обработанные сколы (рис. 3). Изношенные орудия образуют шесть функциональных групп:

мясные ножи	8
скребки для шкур	15
проколки	2
скребки для дерева /кости, рога/	3
ретушеры	2
комбинированные орудия	4

Представляет интерес их типологический состав:

Мясные ножи:

мустьерский остроконечник	1
угловатое скребло	1
продольные однолезвийные скребла	3
ординарные отщепы с ретушью	2
ординарный отщеп	1

Скребки для шкур:

угловатое скребло	1
диагональные скребла	5
продольное однолезвийное скребло	1
обломок ординарной пластины с ретушью	1
обломок ординарного отщепа с ретушью	1
леваллуазский отщеп	1
ординарные отщепы	2
обломок отщепа	1
двустороннеобработанные орудия	2

Проколки:

обломок ординарного отщепа с ретушью	1
обломок отщепа	1

Скребки для дерева /кости, рога/:

продольные однолезвийные скребла	2
ординарный отщеп	1

Ретушеры:

плоские сланцевые гальки	2
--------------------------	---

Комбинированные орудия:

Мясные ножи + скребки для шкур:

мустьерский остроконечник	1
поперечное скребло	1

Скребки для шкур + ретушеры:

угловые скребла	2
-----------------	---

Сразу же обращает на себя внимание, что больше чем половина орудий использовалась для скобления шкур животных. И в качестве скребков для этого материала служили самые разные орудия, которые не образуют устойчивых серий ни по форме и размерам, ни по характеру вторичной обработки.

Надо сказать, что установление на стоянке среднего палеолита столь большого разнообразия форм орудий, относящихся к скребкам для шкур, явилось весьма важным открытием. Естественно возникло предположение, а не использовались ли эти скребки для обработки разных шкур (или для разных участков шкур)? Иными словами, не были ли они узкоспециализированными скребками? Вероятность этого очень мала. Тем более что все скребки имеют износ, характерный для работы орудиями по полусырым шкурам. Примечателен характер расположения этого износа на орудиях разной формы. На 11 из 12 орудиях, имеющих отчетливую вторичную обработку, обнаруживается несовпадение рабочих лезвий, несущих следы наиболее сильной сработанности от скобления шкур, с основными морфологическими элементами орудий (остриями, лезвиями), оформленными с помощью ретуши. На 3 скребках это несовпадение полное (рис. 4,15). Причем неизношенное лезвие у отмеченных орудий тщательно обработано ретушью и не является чрезмерно тонким (около 60°). Тем не менее, следы сработанности от скобления шкур не связаны с отретушированным лезвием, а прослеживаются на коротких угловатых выступах основания, являющегося ударной площадкой отщепов — заготовок для орудий. У 5 орудий со вторичной обработкой сильная сработанность также приурочена к углам ударной площадки и, кроме того, видна на всевозможных других выступах. При этом следы сработанности частично распространяются и на ретушированные части орудий. На 3 орудиях сильная сработанность как будто совпадает с ретушированными лезвиями. Однако на 2 из них (двустороннеобработанных орудиях) основные морфологические элементы орудий также остаются слабо сработанными. Важно подчеркнуть, что отсутствие выраженной изношенности на отретушированных лезвиях нет оснований связывать с ретушной подправкой этих лезвий. Ретушированными лезвиями действительно не скоблили или почти не скоблили. Имеются только 2 скребка, у которых максимальный износ приходится на отретушированное лезвие. Одно из этих орудий является продольным однолезвийным скреблом с почти прямым лезвием, другое — обломком отщепа с ретушью (рис. 4,9). Некоторые скребки представляют собой необработанные отщепы (целые и обломки). Особо следует отметить, что многие скребки имеют весьма сильный износ и несомненно использовались в работе продолжительное время.

Таким образом, есть основания сказать, что орудия, намеренно изготовленные именно для скобления шкур, в инвентаре стоянки единичны. Другие же довольно многочисленные орудия, применявшиеся в качестве скребков для шкур, очевидно, специально не изготавливались для этой функции. Они предназ-

начались первоначально для иных целей, скорее всего, для резания мяса.

Были ли специализированными другие орудия, не использовавшиеся для скобления шкур? Ответить на этот вопрос сложно, так как такие орудия малочисленны. Можно лишь предположить, что, например, орудия в форме мустьерских остроконечников изготавливались на стоянке как мясные ножи. Выявленные функциональные группы орудий, равно как и технологический анализ инвентаря, отчетливо указывают на некоторые виды деятельности людей на стоянке (рис. 3). Наряду с камнеобрабатывающим производством весьма важной из них, как мы видим по составу изношенных орудий, была обработка шкур животных. С этой деятельностью связаны больше 55,3% орудий, использовавшихся в работе. Это были орудия, в ряде случаев применявшиеся и для других функций. При этом особенно интересно то, что в работах по шкурам абсолютно преобладало скобление (больше 50%), тогда как прокалывание и, следовательно, шпивание их, учитывая единичность проколов, было спорадическим. Прокол всего 2. Внешне они мало напоминают такого рода орудия; «жалыце» рабочего конца у них не выделено. По форме они являются обломками отщепов, в одном случае с ретушью (рис. 4,5).

Ножей на стоянке сравнительно немного, что, может быть, связано с отмеченным интенсивным использованием на ней разнотипных орудий в качестве скребков для шкур. Следы сработанности орудий от скобления обычно нивелируют более слабо выраженные следы сработанности ножей. Вместе с тем примечательно, что выявлены только мясные ножи (29,4%).

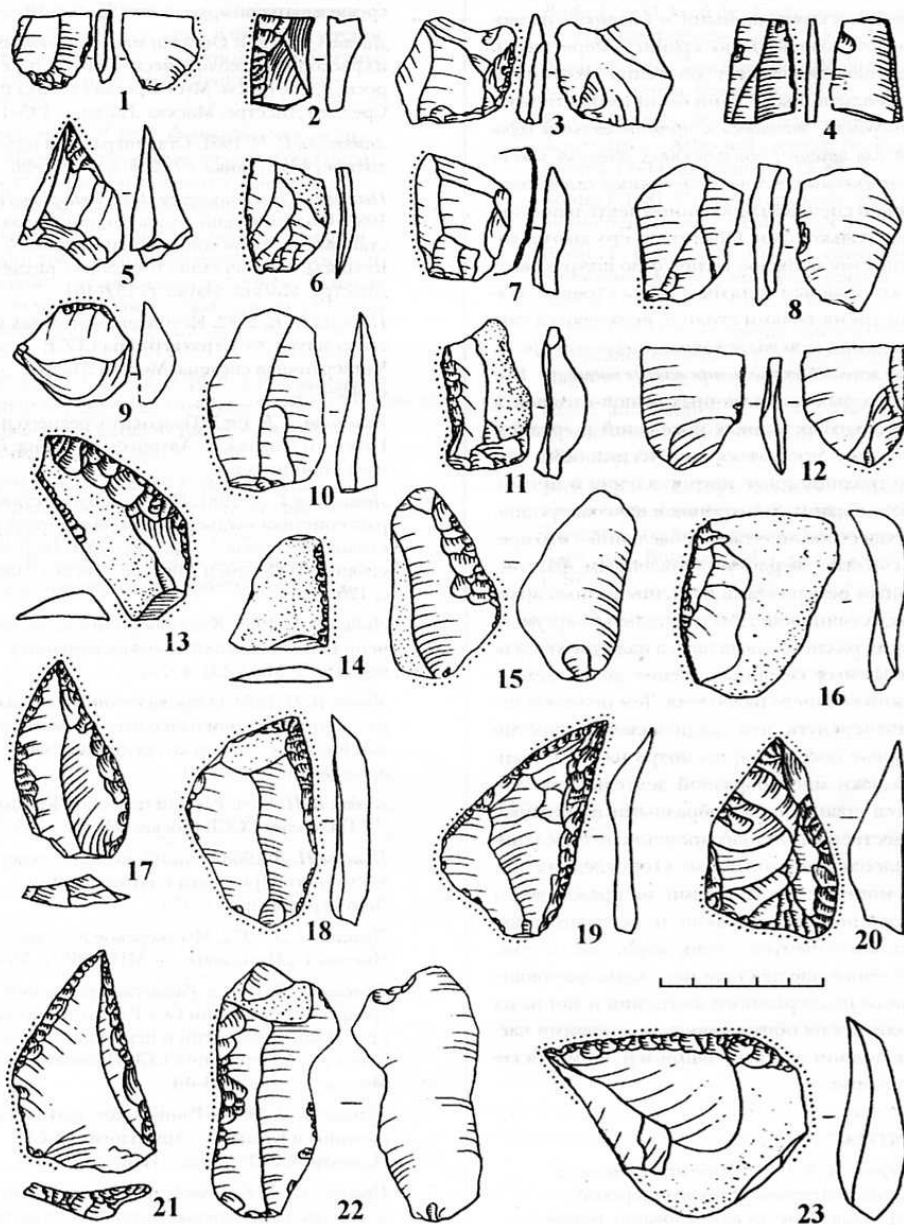
Можно утверждать, что на стоянке обрабатывали и такой материал, как дерево. Но эти работы в общем контексте деятельности были совсем незначительными (8,8%).

Итак, виды деятельности обитателей стоянки вырисовываются вполне отчетливо. На стоянке производилась вся первичная обработка камня. Здесь же происходило окончательное изготовление кремневых орудий. Ретуширование их осуществлялось с помощью каменных ретушеров-отжимников. Очевидно, это связано с тем, что у обитателей стоянки не было под рукой обломков трубчатых костей животных, которые обычно на других среднепалеолитических стоянках служили инструментами для ретуширования каменных орудий. Среди исследованных каменных орудий имеются мясные ножи, что указывает, несмотря на отсутствие костей в культурном слое, на разделку мяса. Однако каменные орудия применялись не только для приготовления мясной пицци. С помощью их обрабатывались шкуры животных и дерево. Все это, на первый взгляд, может напоминать структуру деятельности среднепалеолитических лю-

дей на местах длительного обитания. К такому выводу может склонить прежде всего анализ технологии расщепления камня, представленной на стоянке полным циклом. В действительности же мы имеем дело с признаками хозяйственно-производственного комплекса совершенно особого типа, отражающего сравнительно кратковременную и, самое главное, довольно специализированную производственную деятельность среднепалеолитических людей. На недолговременный характер стоянки указывают соответствующие особенности культурного слоя: он малой мощности, с незначительной концентрацией археологического материала, в нем полностью отсутствуют костные остатки. Не менее показательны в этом отношении данные по использованию и функциям орудий стоянки. Среди них абсолютно преобладают монофункциональные орудия; комбинированные орудия единичны. Случаев переделки орудий не зафиксировано. Крут производственных видов деятельности, выполнявшихся орудиями, был весьма невелик. При этом очень непропорционально и соотношение этих видов деятельности. Например, мы почти не видим на стоянке признаков обработки дерева (найден всего 3 скребка). Едва заметную роль играли и работы, связанные со шпиванием кожаных изделий (выделены лишь 2 неформленных проколки). Особый функциональный тип стоянки определяется удивительно широко представленной на ней обработкой шкур животных. Примечательно то, что это была первичная обработка полусырых шкур, с которых целью консервации счищались скоропортящиеся прирезки жира и мышечные волокна. Судя по всему, на стоянке производилась массовая предварительная обработка шкур, связанная с сезонной заготовкой этого сырья. Таким образом, перед нами специализированный кратковременный мустьерский лагерь для массовой заготовки шкур животных.

Предложенная интерпретация функционального типа среднепалеолитической стоянки Носово 1 является предварительной, так как памятник раскопан пока на небольшой площади. Нельзя исключать того, что новые раскопки стоянки могут дать другие соотношения археологических остатков, а исследованный выше комплекс может оказаться частью, особым производственным участком, сезонного или даже базового долговременного поселения среднепалеолитических охотников.

Как видим, сведения о видах деятельности и хозяйственно-производственных комплексах, полученные на основании функционально-технологического и технологического анализов археологических материалов стоянок, имеют весьма важное значение для установления функциональных типов этих стоянок. Надо сказать, что такого рода сведениями мы обладаем по целому ряду стоянок среднего палеолита, рас-

Мустьерская стоянка Носово 1. Кремневые орудия со следами сработанности.

Морфологические определения: 1 – обломок отщепца; 2, 11, 14, 16, 22 – продольные однолезвийные скребла; 3, 7 – отщепы с ретушью; 4 – обломок пластины с противоположащей ретушью; 5, 9 – обломки отщепов с ретушью; 6, 3, 12 – отщепы; 10 – леваллуазский отщеп; 13, 15 – диагональные скребла; 17, 20 – остроконечники; 18, 19, 21 – угловатые скребла; 23 – поперечное скребло.

Функциональные определения: 1, 4, 8–10, 12, 13, 15, 19 – скребки для шкур; 2, 3, 6, 14, 16, 17 – мясные нож; 5 – проколка; 7, 11, 22 – скребки для дерева; 18, 21 – скребки для шкур и ретушеры; 20, 23 – мясные ножи и скребки для шкур.

положенных не только на Русской равнине, но также в Крыму и на Кавказе. Эти сведения в совокупности с общепалеологическими данными о стоянках позволили сейчас распознавать по крайней мере шесть функциональных типов мест обитания охотников среднего палеолита. Выше нами были охарактеризованы: *места добычи, заготовки и предварительной обработки камня для орудий («мастерские»), сезонные поселения и кратковременный специализированный лагерь охотников.* Лагерь со специализированной деятельностью выявлен пока только один. Обитатели его заготавливали, по-видимому, большое количество шкур животных, что было главным занятием их на стоянке. Наряду с этими тремя типами стоянок выделяются также: *походные лагеря, пункты остановок охотников при охоте на одиночных животных и долговременные поселения.* Выделение некоторых из названных типов стоянок в особенности долговременных поселений в среднем палеолите может показаться дискуссионным, ибо сильны еще традиционные представления о примитивном образе жизни архантропов и палеоантропов. Между тем существование таких поселений в это время можно считать твердо установленным фактом, подкрепленным результатами изучения разных археологических источников. Дополнительным аргументом в пользу их различия является наличие уверенно распознаваемых сезонных, менее долговременных поселений среднего палеолита. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что среднепалеолитические долговременные поселения, несмотря на свойственные им признаки многообразной деятельности людей, являются довольно своеобразными памятниками, не тождественными долговременным поселениям верхнепалеолитической эпохи. От последних они отличаются многими показателями, но прежде всего слабо выраженной планировкой и неразвитостью структурных компонентов. Дело, вероятно, в том, что эти поселения еще не стали местом по-настоящему длительного непрерывного заселения и могли на время оставаться их обитателями, уходившими частично или в полном составе, например, на места сезонных поселений.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова М. В.* 1974. Стратиграфическое положение культурного слоя мустьерской стоянки Сухая Мечётка как основание геологической датировки и палеогеографической реконструкции // *Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене.* Москва: Наука, с. 157–156.
- Анисюткин Н. К.* 1981. Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы // *Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре.* Москва: Наука, с. 7–53.

- Григорьев Г. П.* 1972. К методике установления локальных различий в палеолите // *Успехи среднеазиатской археологии* 2, с. 14–19.
- Давид А. И.* 1981. Остатки млекопитающих из раскопок палеолитической стоянки Кетросы // *Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре.* Москва: Наука, с. 135–142.
- Замятин С. Н.* 1961. Сталинградская палеолитическая стоянка // *КСИА* 82, с. 5–36.
- Иванова И. К., Болюховская И. О., Ренгарден Н. В.* 1981. Геологический возраст и природная обстановка мустьерской стоянки Кетросы // *Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре.* Москва: Наука, с. 152–161.
- Иванова И. К.* 1982. Ископаемый человек и его культура // *Стратиграфия СССР. Четвертичная система.* Москва: Недра, с. 382–412.
- Кузнецова Л. В.* 1985. Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья. Автореф. дис. канд. ист. наук. Ленинград.
- Левковская Г. М.* 1981. Палинологическая характеристика мустьерского культурного слоя стоянки Кетросы // *Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре.* Москва: Наука, с. 125–135.
- Любин В. П.* 1965. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // *МИА* 131, с. 7–75.
- Любин В. П.* 1972. О проявлении локальных различий в нижнем палеолите (по материалам Кавказа) // *Успехи среднеазиатской археологии* 2, с. 19–29.
- Любин В. П.* 1984. Ранний палеолит Кавказа // *Палеолит СССР.* Москва: Наука, с. 45–93.
- Праслов Н. Д.* 1968. Ранний палеолит северовосточного Приазовья и Нижнего Дона. Ленинград: Наука, с. 154.
- Праслов Н. Д.* 1972. Мустьерское поселение Носово 1 в Приазовье // *МИА* 185, с. 75–82.
- Праслов Н. Д.* 1984 а. Развитие природной среды на территории СССР в антропогене и проблемы хронологии и периодизации палеолита // *Археология СССР. Палеолит СССР.* Москва: Наука, с. 23–40.
- Праслов Н. Д.* 1984 б. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // *Археология СССР. Палеолит СССР.* Москва: Наука, с. 94–134.
- Праслов Н. Д., Семенов С. А.* 1969. О функциях мустьерских кремневых орудий из стоянок Приазовья // *КСИА* 117, с. 13–21.
- Семенов С. А.* 1957. Первобытная техника. Москва-Ленинград: Наука, с. 240.
- Семенов С. А.* 1961. Следы работы на орудиях и доказательства работы неандертальцев правой рукой // *КСИА* 84, с. 12–16.
- Щелинский В. Е.* 1977. Экспериментально-трассологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий // *Проблемы па-*

леолита Восточной и Центральной Европы. Ленинград: Наука, с. 182–196.

Щелинский В. Е. 1983. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // *Технология производства в эпоху палеолита*. Ленинград: Наука, с. 72–133.

Щелинский В. Е. 1992. Функциональный анализ орудий труда нижнего палеолита Прикубанья (вопросы методики) // *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп, с. 194–209.

Щелинский В. Е. 1994. Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита / по материалам Кавказа, Крыма и Русской равнины /. Автореф. дис. докт. ист. наук. СПб.

Binford L. R., Binford S. R. 1966. A Preliminary Analysis of Functional Variability in the Mousterian of Levallois Facies // *AA* 68, N 2, pt. 2, p. 236–295.

Binford S. R. and Binford L. R. 1969. Stone tools and human behavior // *Scientific American* 220, N 4, p. 70–84.

Bordes F. 1950. Principes d'une méthode d'étude des techniques de débitage et de la

typologie du paléolithique ancien et moyen // *LA* 54, N 1–2, p. 19–34.

Bordes F. 1953. Essai de classification des industries «moustériennes» // *BSPF* 50, p. 457–466.

Bordes F. 1961. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Bordeaux. 103 p.

Bordes F. 1962–1963. Le moustérien à denticulés // *Arheoloski vestnik. Brodavjev zbornik* 13–14. Ljubljana, p. 43–49.

Bordes F. 1981. Vingt-cinq ans après: le complexe moustérien revisité // *BSPF* 78, N 3, p. 77–87.

Bordes F., Bourgon M. 1951. Le complexe moustérien: Moustérien, Levalloisien et Tayacien // *LA* 55, N 1–2, p. 1–29.

Bordes F. et D. de Sonneville-Bordes 1970. The significance of variability in Palaeolithic assemblages // *WA* 2, N 1, p. 61–73.

Hole F. and Flannery X. V. 1967. The Prehistory of Southwestern Iran: A Preliminary Report // *PPS* 33, p. 147–206.

Shchelinsky V. E. 1994. Méthodes de recherche sur les fonctions des outils lithiques // *Temnata cave. Excavations in Karlukova Karst Area, Bulgaria*. Vol. 1, part 2. Cracow, p. 87–122.